

Руань И отложил ручку, в которой закончились чернила.

Сборник усложнённых задач по школьной математике он проработал до самого конца. Оставались лишь две финальные геометрические задачи на доказательство. Руань И с первого взгляда понял, что автор просто скомпоновал в них несколько типовых схем. Недаром говорят: сложных задач не существует, есть лишь простые, сбитые в кучу. Любой заумный с виду пример — это лишь цепочка элементарных шагов.

Он провел на чертеже три дополнительные линии, сверился с ответами — совпало один в один.

Закрыв сборник, Руань И взглянул на настенный календарь.

Пятница. Вечером на самостоятельной работе снова будет тест по математике. Руань И рассчитывал, что с его нынешней подготовкой сможет без труда набрать больше ста десяти баллов.

Всю неделю он подтягивал базу. Чтобы двигаться к более высоким результатам, одного лишь знания основ и типовых комбинаций уже не хватало. Возле Шестой школы работала лавка, где принимали и продавали букинистику: там часто можно было найти ненужные старшеклассникам учебники и пособия. Руань И собирался навестить туда сразу после уроков.

— Красавчик класса, — подошла к его парте Тун Тун и поставила перед ним баночку колы. — Я сейчас пересеклась с Линь Хэлаем, это он тебе купил.

— Спасибо, — Руань И сделал паузу и поднял глаза. — Линь Хэлай?

— Угу.

— Он ходил в магазин?

— Похоже на то, — задумчиво протянула Тун Тун. — И, кажется, затарился по полной, приволок целый пакет.

Шёл перерыв после третьего урока. До обеда оставалось потерпеть всего сорок минут, поэтому мало кто из учеников отправлялся в школьную лавку в такое время. К тому же Корпус Задумчивости стоял дальше всех от магазина: даже если бежать бегом, дорога туда и обратно занимала почти десять минут, и рисковать опозданием никто не хотел. Для перекусов обычно использовали большой двадцатиминутный перерыв после второго урока.

Руань И едва заметно нахмурился:

— Он один ходил?

— Вроде... нет. С ним были ещё парни, двое из нашего класса, с его соседних парт. Остальных я не знаю, — Тун Тун с недоумением посмотрела на него. — А что такое?

Руань И отложил ручку и поднялся:

— Ничего.

Ничего особенного. Просто местная гопота сменила тактику: сначала заставляли соседей по парте изводить Линь Хэлая, а теперь заставили раскошелиться.

Едва Руань И переступил порог класса, как навстречу ему, соревнуясь в хохоте, вышли те самые соседи Хэлая. У каждого в руках было по набитому пакету с снэками. За ними, понутив голову, плёлся сам Линь Хэлай. Наткнувшись взглядом на Руань И, он мгновенно замер.

Руань И подошёл ближе, держа банку колы за горлышко:

— Есть планы на обед?

Линь Хэлай растерянно качнул головой.

— Тогда поедим вместе.

Руань И опустил взгляд. На джинсах Хэлая в районе колена отпечатался пыльный след чужого кроссовка. На спине, если присмотреться, темнели три серые полосы.

— Впервые? — тихо спросил Руань И.

Линь Хэлай поднял на него непонимающие глаза. Он не сразу сообразил, к чему этот вопрос. Колу для Руань И он действительно купил впервые: когда его приволокли в магазин и он смотрел, как выгребают с полок еду, в голове внезапно всплыла мысль, что он так и не отблагодарил Руань И за помощь. И за вымытую парту, и за тетради... Он всё помнил. Но...

Встретившись с пронизательным взглядом Руань И, Линь Хэлай вдруг осознал: вопрос был совсем не о коле. Руань И спрашивал, впервые ли с него содрали деньги.

Хэлай опустил голову, плечи его едва заметно дрогнули:

—... Да.

Всё сходилось.

Опасаясь дежурных учителей, хулиганы повели Линь Хэлая через технический выезд возле подсобки, а дальше продвигались заворками. Пыль на куртке — явно от старой велосипедной парковки или из той самой подсобки. Если бы Хэлай платил им регулярно, его не стали бы пинать для убедительности и красться байпасами. Они бы просто прошли через плац — это самый короткий путь от Сада Задумчивости к магазину.

Сердце Линь Хэлая пропустило удар. Он поднял глаза и посмотрел за плечо Руань И.

Парни действительно не ушли. Они мнулись у дверей класса, то и дело бросая искоса колючие взгляды. Вот почему Руань И спросил так иносказательно — он не хотел, чтобы те догадались и выместили злость на Хэлае с удвоенной силой.

В груди Линь Хэлая разлилось непривычное, щемящее тепло. Он выжал из себя благодарную улыбку.

Руань И вернулся на место.

Сел за парту, открутил крышку и стал медленно крутить её в пальцах.

Соседи Хэлая первым делом подошли к Брату Леопарду. С ракурса Руань И лица Леопарда не было видно, зато он отлично разглядел угождающие ухмылки подхалимов, когда те начали вытаскивать из пакетов закуски и раздавать их компании.

Загремел развязный хохот, кто-то одобрительно хлопнул в ладоши, кто-то издал наигранный свист... Линь Хэлай на своём месте делал вид, что ничего не замечает.

Руань И зажал пластиковую крышку между пальцами, не сводя холодного взгляда с одного из заводил.

В детстве он отлично щелкал крышками. Набивал руку ради забавы, пока не надоело.

Десять лет прошло. Интересно, меткость осталась?

Он слегка прищурился. Силуэт впереди на мгновение размылся, а затем зафиксировался в фокусе. Дыхание Руань И замерло, став невесомым; пальцы уже поймали то самое знакомое чувство идеального баланса —

И тут чья-то ладонь накрыла его руку, не дав сделать щелчок.

Руань И нахмурился и повернул голову.

Рядом сидел его сосед по парте, Юань Цзинь.

За две недели соседства Руань И успел понять: этот парень вывел понятие «ледяное равнодушие» на совершенно новый уровень. На первом уроке, когда все представлялись, Юань Цзинь вышел к доске, сжато черкнул иероглифы своего имени и произнес их абсолютно безжизненным тоном. Вся процедура заняла от силы секунд двадцать.

За полмесяца они обменялись ровно тремя фразами: «Дай пройти», «Выпусти» и «Двигайся».

И вот сейчас, глядя на длинные пальцы, удерживающие его руку, Руань И ощутил стойкий эффект сюрреализма.

Темные, узкие глаза Юань Цзиня скользнули по лицу Руань И. Он забрал крышку, небрежно швырнул её в свой пенал, после чего уткнулся лицом в сложенные на столе руки и натянул на голову капюшон, мгновенно вернувшись в режим изоляции от внешнего мира.

Руань И с пару секунд созерцал этот перформанс, после чего произнёс:

— Я уже передумал. Верни крышку, у меня там ещё полбанки.

Юань Цзинь даже не пошевелился. Спустя паузу его рука сослепу пошарила по столу, нащупала пенал и сдвинула его в сторону Руань И. Мол, забирай сам.

Уголок губ Руань И дёрнулся. Он достал крышку, закрутил банку и выудил из стола телефон.

За последние пару дней Лу Бинчэнь буквально заставил его выработать привычку проверять мессенджер. Когда тот выпрашивал контакты, Руань И ясно дал понять, что не смотрит в экран до конца уроков. Естественно, Лу Бинчэню на эти условия было плевать. После десятого звонка с плаксивым: «Почему ты опять меня игнорируешь?» — Руань И сдался.

Теперь на каждой перемене он послушно проверял сообщения.

Экран вспыхнул целой россыпью уведомлений. Все — от одного адресата. Лу Бинчэнь завалил его ссылками на статьи из кликбейтных пабликов:

«Насколько лучше живут те, кто не страдает гомофобией? Вы даже не поверите!»

«Умные люди влюбляются ещё в школе: откровения психолога!»

«Если они будут вместе, рыдать будут и мужчины, и женщины! Слишком красивы!»

«"Не влюбляйтесь рано" — три слова, которые дурачили нас пятьдесят лет».

Руань И подавил желание написать «Ты совсем из ума выжился?», заменив эмоции лаконичным: [...]

Лу Бинчэнь ответил мгновенно: [Прочитал? Что думаешь?]

Руань И честно написал: [Хочу разбить твой телефон.]

Лу Бинчэнь: [Что, не понравилось?]

Он отчетливо помнил, что прошлый Руань И обожал подобную ерунду. В их прошлой жизни Руань И каждый день просматривал пару таких опусов, утверждал, что это отлично снимает стресс. Лу Бинчэнь тогда специально нанимал копирайтеров, платил по три тысячи за тысячу знаков, чтобы те клепали тексты под вкусы его возлюбленного — с надеждой ненавязчиво промыть ему мозги.

Выходит, в семнадцать лет у Руань И были совершенно другие предпочтения.

Лу Бинчэнь закручинился.

На обеде Руань И повел Линь Хэлая в столовую. В отделе индивидуальных блюд он заказал говядину на раскалённом листе, рыбу в остром соусе и пышный омлет с креветками и запечённой свининой. Они устроились за столиком у стены.

Линь Хэлай переминался с ноги на ногу:

— Не стоило... У меня есть деньги...

Руань И окинул взглядом этот шикарный по школьным меркам стол и спокойно произнёс:

— Подобный обед я могу покупать тебе хоть каждый день весь месяц. Поверь, мой бюджет не пострадает.

По самым скромным подсчетам, рэкетеры вытрясли из Хэлая не меньше двух сотен юаней. Руань И мельком взглянул на его обувь. У него самого когда-то была такая же пара — дешёвые кроссовки сотен за полторы. На носке заметны следы засохшего клея: видать, подошва

отклеилась от сырости и её латали вручную. Человек, который донашивает переклеенные кроссовки за сотню юаней, явно не купается в роскоши.

Двести юаней для него — это не карманные медяки, а добрая половина месячного бюджета на еду. Комплексный обед в столовой стоит восемь юаней, самый дорогой — двенадцать. На двести юаней можно спокойно питаться больше двух недель.

Руань И смягчил тон:

— Я к тому, что даже если они забрали у тебя всё до копейки, голодать ты не будешь. Не бери в голову.

Линь Хэлай отправил в рот кусочек рыбы. Помолчал и искренне улыбнулся:

— Спасибо тебе, Руань И.

Хэлай жил в общежитии, поэтому после обеда сразу ушёл к себе. Руань И же, сверяясь со старыми воспоминаниями, направился в переулок за территорией Шестой школы. Лавируя между пестрыми витринами с бижутерией и канцтоварами, он наконец отыскал нужную лавку.

Заведение выглядело подчеркнуто спартански. Ни вывески, ни названия — только облезлая доска у входа с надписью: «Книги на вес».

За стойкой на низком табурете сидел подросток с телефоном в руках.

Руань И замер:

— Юань Цзинь?

Тот мельком поднял глаза, обжёг его ледяным взглядом и снова уткнулся в экран. Затем неопределенно махнул рукой в сторону дальнего угла:

— Там свежий завоз. Ещё не разбирали, но состояние лучше, чем на полках.

Руань И присел на корточки и принялся разбирать стопки. Он отложил учебники по математике с десятого по двенадцатый класс, пару пособий для олимпиадников и комплект материалов для вступительных испытаний в вузы.

Похоже, предыдущий хозяин к ним даже не прикасался: обложки слегка помялись, но внутри не было ни единой пометки.

Юань Цзинь водрузил стопку на электронные весы:

— Скинем сдачу. С тебя десятка.

Руань И протянул купюру, но Юань Цзинь не спешил отдавать покупки. Он молча смотрел на него.

Из-за редкого использования его голос звучал хриловато:

— Держись от Линь Хэлая подальше.

Руань И вскинул бровь:

— Это ещё почему?

Лицо Юань Цзиня оставалось непроницаемым:

— Не лезь в дерьмо, которое не сможешь разгрести.

<http://bllate.org/book/20540/2115548>